

“МЫ ПОЛАГАЕМ, ЧТО СПАСЕМ МИР, ЧТО МЫ НРАВСТВЕННАЯ НАЦИЯ”

Андрей Звягинцев — Газете

Фильм молодого кинорежиссера Андрея Звягинцева «Возвращение» стал единственным и официальным представителем России в конкурсной программе Венецианского фестиваля. Накануне мировой премьеры картины с режиссером побеседовал **Антон Долин**.

Откуда взялся ваш фильм, что стало отправной точкой?

Все началось с того, что на RenTV я сделал для сериала «Черная комната» три новеллы. Работа эта очень понравилась продюсеру Дмитрию Лесневскому, и он решился на полный метр — дебютный и для меня, и для него. Мы пустились на поиски сценария, пока Лесневский однажды в январе 2001 года не натолкнулся на сценарий Новотоцкого и Моисеенко под рабочим названием «Ты».

Как примирить ваше телевизионное прошлое, работу в самой массовой из существующих областей — сериальной — с «Возвращением», картиной авторской и «фестивальной»?

При всем том, что я работал для телевидения, с 1990 года, когда я получил в ГИТИСе актерское образование, на протяжении десяти лет главной мечтой моей было кино. Не телевизионное, не сериальное — серьезное.

Русские режиссеры, ездящие на фестивали, очень любят философствовать на темы собственных фильмов, объяснять их и говорить о послании, которое они несут зрителям. Вы будете вести себя так же?

Это черта русской культуры — она предполагает, что для мира что-то несет, об этом Достоевский еще на открытии памятника Пуш-

кину сказал. Как он сказал, так и повелось. Мы полагаем, что спасем Европу и весь мир, что мы нравственная нация. Мне это, скажем так, не чуждо, но меньше всего я хотел бы говорить перед фильмом... да и после него я не хотел бы говорить, о чем он. Я бы хотел оставить зрителя один на один с экраном, фильмом. Я себе установку дал, зарок, что не буду говорить о смыслах фильма.

А не боитесь «недобросовестных трактовок»? Вот Сокуров заклеил всю Европу разом за то, что там в его «Отце и сыне» кто-то углядел гомосексуальную подоплеку...

Давайте заключим соглашение — вы будете моим свидетелем. Я попробую дать обещание не вмешиваться в интерпретацию, какой бы она ни была. Мне очень нравится один

пассаж у Кьеркегора в «Страхе и трепете» — по поводу героя и рапсода. Рапсод — человек, который восхищается подвигом героя, воспекает его, грубо говоря, тот, кто может увидеть чудо поступка, но никогда не сможет его совершить. Зато он сможет его воспеть, как не сможет герой. Герой, или поступок, или подвиг — в данном случае это фильм. Если фильм сделан и существует, будет смешно, если он будет сам себя комментировать. Если я начну говорить «нет, вы неправильно поняли мой поступок», то мой поступок сам себя дискредитирует.

Вы-то себя ощущаете героем или рапсодом?

Конечно же рапсодом — один из толпы, который по-своему прочел этот поступок. У меня своя интерпретация, свой взгляд на этот фильм.